
ИЗ ИСТОРИИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ ПАРИЖСКОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2009 г. В. Г. Кузнецов

В статье рассматриваются основные периоды деятельности старейшего в мире Парижского лингвистического общества, тесно связанного с историей европейской и мировой науки о языке. Дается оценка вклада наиболее значительных членов общества в теорию языка, а также организующей роли общества в развитии лингвистической науки во Франции.

The article describes the main stages of the development of the Société de Linguistique de Paris (the Linguistic Society of Paris), which has had an important influence upon linguistic studies both in France and in other countries. The most significant and productive periods in the Society's history are closely linked with the names of its secretaries and outstanding French linguists – M. Bréal, A. Meillet, J. Vendryes, E. Benveniste, – whose role in the Society and whose contribution to linguistic studies are assessed here.

История создания и деятельности Парижского лингвистического общества (ПЛО) представляет интерес в двух отношениях: во-первых, это общество является первым лингвистическим обществом в мире, деятельность которого продолжается и в настоящее время, и, во-вторых, его деятельность связана с именами лингвистов, внесших бесценный вклад в мировую науку.

Создание и становление ПЛО приходится на 60-е годы XIX века. Оно было образовано в 1865 г., а устав утвержден 8 марта 1866 г. Любопытно, что инициаторы создания общества не были профессиональными лингвистами, не занимали какие-либо посты в системе университетского образования. Дело в том, что во Франции академическая наука тесно связана с университетским преподаванием. Практически все известные лингвисты, представители академической науки, преподавали также и в университетах.

У ПЛО было два основателя – Антуан д'Абади и Иасент де Шаранси. Первый был этнографом – исследователем культуры и языка Абиссинии, членом Академии естественных наук; второй – аристократом, увлекавшимся изучением языков, главным образом, редких – кавказских, африканских, американских. Особенно его привлекали баскский язык, а также этимология редких слов французского языка. Позднее к ним присоединились еще несколько энтузиастов. Интересно, что среди создателей ПЛО был и русский – Александр Шодзко (1804–1891), консул России в Персии, преподававший затем на кафедре славянских языков и литератур в Коллеж де Франс¹, автор грамматик персидского языка и старославянского.

Первоначально у Общества не было помещения, и инициаторы его создания собирались у кого-либо на квартире, а позднее – в Сорбонне. Это позволило установить контакты с университетскими преподавателями. Становлению ПЛО во многом способствовали также авторитетные в то время представители академической и университетской науки. В их числе – Эмиль Эггер, член Академии надписей и изящной словесности², заведующий кафедрой греческой литературы филологического факультета Сорбонны. Его престиж во многом способствовал привлечению в Общество новых членов, особенно молодых исследователей. Среди них были такие талантливые исследователи, получившие впоследствии известность, как А. Бергень, Г. Парис, П. Мейер, А. Дармстетер, Л. Аве и, прежде всего, М. Брéal, сыгравший в качестве секретаря ведущую роль в деятельности ПЛО в ее начальный, наиболее трудный период. Большинство из них стали преподавателями основанной в 1868 г. по инициативе историка и министра образования Виктора Дюрюи Высшей школы практических знаний, в которой впоследствии преподавал и Ф. де Соссюр. Ж. Вандриес подчеркивал, что “основание Высшей школы практических знаний знаменует собой событие в истории университетского образования во Франции. Одно из его отделений, четвертое, специализируется на исторических и филологических науках. Впервые в учебных программах эти дисциплины получили статус научных” [1, р. 11].

В первоначальный период деятельности ПЛО руководствовалось временным уставом. Посто-

¹ Высшее учебное и научное учреждение. Основано в Париже в 1530 г. Первый во Франции светский университет. В настоящее время в нем представлены современные науки гуманитарного и естественно-математического циклов. Там преподают крупнейшие французские и зарубежные ученые.

² Одно из пяти академических учреждений, основанное в 1663 г. Является консультантом государственных органов по вопросам философии, истории и археологии, участвует в университетских научных программах. Ф. де Соссюр был избран иностранным членом 8 декабря 1910 г.

янный устав был принят после обсуждения на заседаниях 23 мая и 6 июня 1874 г. и представлен на утверждение в Государственный совет, который внес в него ряд уточнений. Главное из них касалось положения, согласно которому деятельность общества ограничивалась вопросами, относящимися к изучению языка. Первая статья устава гласила: “Задача лингвистического общества – изучение языков и их истории. Любой другой предмет исследования строго запрещен”. Таким образом, ПЛО сосредоточило свою деятельность на собственно лингвистических исследованиях. В этой обширной области не вводилось никаких ограничений, за исключением двух пунктов. Еще во временном уставе говорилось, что не будут рассматриваться сообщения, посвященные вопросам происхождения языка или созданию международного языка. “Этот двойной запрет можно объяснить стремлением избежать бурных и не всегда содержательных дискуссий, не совместимых с объективностью и научной строгостью” [1, р. 13].

Общество быстро получило известность, о чем свидетельствует постоянное увеличение количества его членов. В 1867 г. их насчитывалось 80, а к концу 1875 г. – уже 139.

Следует, хотя бы кратко, остановиться на деятельности наиболее видных лингвистов того периода.

Гастон Парис (1839–1903), ученик создателя романской филологии Ф. Дица, самый выдающийся представитель французской филологии XIX века. Вместе с другим известным романистом, П. Мейером, Г. Парис основал в 1872 г. журнал “*Romania*”, издающийся до настоящего времени. Парис был учителем многих французских романистов. Под его влиянием сформировалась школа лингвистической географии Ж. Жильерона.

Арсен Дармстетер (1846–1888), один из составителей этимологического “Общего словаря французского языка” в 2-х томах, автор фонетического закона, действовавшего в период превращения галльской латыни в старофранцузский язык, который получил его имя. Сформулировал принцип катахрезы, который содержит в зародыше теорию психологических интерференций А. Мейе. Популярностью пользовалась его книга “Жизнь слов” (1886), в которой он определял язык как инструмент общения, а в качестве основной единицы языка выделял слово.

Луи Аве (1849–1925), автор глубоких исследований по латинскому языку и романскому языкознанию, один из первых, кто по достоинству оценил новизну и оригинальность идей Ф. де Соссюра в области сравнительно-исторического языкознания. В 1876 г., в возрасте 18 с половиной лет, Соссюр, учившийся в то время в Лейпциге, за научные заслуги в области индоевропеистики был принят в члены Парижского лингвистического

общества. 21 июня 1877 г. он выступил с докладом об *a* в индоевропейском, опубликованном через два года под названием “Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках”, который сразу привлек внимание лингвистов, а в дальнейшем принес автору мировую славу. Сдержанное и даже скептическое отношение к “Мемуару” немецких лингвистов – известных авторитетов в области индоевропейского языкознания, Г. Остгофа и др., – побудило Соссюра переехать в 1880 г. из Лейпцига в Париж. В течение года он посещал лекции М. Бреалья в Высшей школе практических занятий, учился у Л. Аве и Дж. Дармстетера. В 1881 г. Бреаль, занятый организаторской работой, предложил Соссюру читать вместо себя курс сравнительной грамматики в Высшей школе практических знаний. В то время по уровню сравнительно-исторического языкознания Франция отставала от лидера этого направления – Германии. Исторические исследования, как свидетельствуют темы выступлений на заседаниях ПЛО, ограничивались старофранцузским языком, галло-романскими диалектами и средневековой литературой. В работах Бреалья и Аве сравнительно-историческая грамматика присутствует лишь в комментариях к латинским и греческим текстам с редкими ссылками на санскрит.

Соссюр с его новыми идеями, опережавшими на много передовую в то время немецкую науку, подготовил за 10 лет новое поколение компаративистов, благодаря которым Франция выдвинулась на первый план мировой науки. Учениками Соссюра были известные впоследствии лингвисты С. Леви, П. Пасси, М. Граммон и особенно А. Мейе. Соссюр становится заместителем секретаря ПЛО и фактически руководит изданием ученых записок. Ежегодно выходят статьи и заметки самого Соссюра. По словам Ж. Вандриеса, Соссюр “оказал решающее воздействие на развитие лингвистики во Франции” [1, р. 15].

В 1908 г. парижские и женеvские ученики Соссюра преподнесли ему сборник статей в его честь [2]. На торжественной церемонии выступили А. Мейе и Ш. Балли. Мейе, в частности, отметил: “... все лингвисты, которые сформировались как ученые после Вашего отъезда, даже не являясь Вашими непосредственными учениками, тем не менее считают себя Вашими последователями и испытывают по отношению к Вам глубокую признательность” [3, р. 180]. В свою очередь Ш. Балли сказал: “... вместе со своим выдающимся учеником, А. Мейе, Вы являетесь одним из немногих современных лингвистов, которым удалось охватить на основе широкого синтеза такую обширную область, как индоевропейское языкознание, и Вы щедро поделились со своими учениками эрудицией, без которой невозможно это усилие” [3, р. 183]. Эти высказывания свидетельствуют о

том, что в те годы Соссюр воспринимался как выдающийся индоевропеист, а не как теоретик языка.

С историей ПЛО связано знакомство двух выдающихся лингвистов – Ф. де Соссюра и И.А. Бодуэна де Куртенэ. 19 ноября 1881 г. Бодуэн де Куртенэ был представлен на заседании ПЛО, но Соссюр на нем не присутствовал. Их личное знакомство состоялось 3 декабря, в день избрания Бодуэна де Куртенэ в члены ПЛО, когда Соссюр выступил со своей работой о фрибургском диалекте. Встречались они и на последующих заседаниях – 17 декабря и 7 января 1882 г., где Бодуэн де Куртенэ представил свои труды и работы Н.В. Крушевского. Как член Общества Бодуэн де Куртенэ регулярно посылал в ПЛО свои работы, и Соссюр, ставший заместителем секретаря в декабре 1882 г., мог знакомиться с ними одним из первых.

Иностранцами членами ПЛО были также такие известные лингвисты, как В. Томсен, У. Уитни, Ш. Балли, А. Сеше, А. Фрей, В. Брөндаль, М. Нидерман, Х. Педерсен, Л. Ельмслев, Я. Розвадовский, Г. Гийом, С. Ульман, Р. Якобсон, Э. Косериу, А. Мартине. Из отечественных лингвистов в него входили И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, Э.А. Макаев, Е.А. Реферовская. Ныне ими являются – А.А. Зализняк, В.Б. Касевич.

По словам Ж. Вандриеса, “с самого начала Общество стало единственным местом во Франции, где были сосредоточены лингвистические исследования” [1, р. 15]. Причем спектр этих исследований был очень широким, включавшим языки разных семей, различные разделы общего и частного языкознания. Создание ПЛО положило начало ограничению господства немецкой науки в западноевропейской лингвистике. Еще в 1864 г. М. Бреаль написал: “Мы нуждаемся в науке, которую мы по праву могли бы назвать французской” [4, р. 241].

С 1869 г. ПЛО издает *Bulletin de la Société de linguistique de Paris* (BSLP), каждый том которого состоит из двух выпусков. Первый – включает протоколы заседаний, освещает наиболее значимые события в деятельности Общества, информацию об избрании новых членов, а также научные статьи французских и зарубежных авторов. Второй – содержит рецензии на лингвистические работы, вышедшие в разных странах на разных языках. Инициатором и постоянным автором рецензий был А. Мейе. *Bulletin* получил международное признание не только благодаря своим публикациям на актуальные темы, но и как подлинная библиографическая хроника, представляющая собой широкую панораму развития мировой лингвистики.

Наряду с BSLP, с 1868 по 1935 г. ПЛО издавало *Mémoires*. Вышло 23 тома, каждый из 5–6 выпусков содержит статьи, в основу которых положе-

ны доклады, прочитанные на заседаниях Общества. В 1990 г. издание *Mémoires* было возобновлено. Новая серия включает материалы дней науки, ежегодно организуемых Обществом. В отличие от предыдущей, каждый том новой серии посвящен определенной теме, что отражено в его заглавии. Так, 1-й том носит название “Ареальная лингвистика и сравнительно-исторические исследования”.

ПЛО публиковало также по инициативе М. Бреалья “Лингвистическую библиотеку” (*Collection Linguistique*), начало которой было положено в 1907 г. работой А. Мейе “Индоевропейские диалекты”. Один из томов “Библиотеки” (XVI) заслуживает упоминания, поскольку он в значительной мере способствовал росту научного авторитета ПЛО. Это широкий по охвату коллективный труд ряда его членов под названием “Языки мира”, осуществленный под руководством А. Мейе и М. Коэна.

Работой ПЛО руководит бюро, состоящее из председателя, двух его заместителей, секретаря, заместителя секретаря, администратора и казначея. Должность президента в значительной мере является почетной, фактически же руководит Обществом секретарь, представляющий его на самом высоком уровне. Секретарями ПЛО были такие известные лингвисты, как М. Бреаль, А. Мейе, Ж. Вандриес, Э. Бенвенист, М. Лежён, а заместителями секретаря – Л. Аве, Ф. де Соссюр, Ж. Блок.

Авторитет секретарей ПЛО как выдающихся ученых и крупных организаторов науки был столь велик, что Г. Бергунь справедливо берет за основу периодизации истории ПЛО годы их руководства Обществом. Он предлагает различать следующие периоды истории ПЛО: с 1865 до 1868 – период создания; с 1868 до 1876 – период становления; с 1876 до 1906 – период развития (под руководством М. Бреалья); с 1906 до 1933 – организационный период (под руководством А. Мейе); с 1933 до 1948 – переходный период (Ж. Вандриес); с 1948 до 1969 – период переориентации (Э. Бенвенист); с 1970 г. – современный период [5, р. 361].

С именем М. Бреалья (1832–1915) связан наиболее сложный этап в истории ПЛО – период его становления и развития. Он являлся секретарем Общества с 1868 г. до своей кончины, т.е. в течение 47 лет. Если быть точным, Бреаль ушел в отставку в 1906 г., но сохранил должность. А. Мейе, ставший заместителем секретаря в том же году, фактически выполнял функции секретаря.

Бреаль играл первостепенную роль в деятельности ПЛО. Практически в каждом томе *Bulletin* и *Mémoires* публиковались статьи и заметки за его подписью, посвященные классическим языкам, итальянским диалектам, санскриту и германским языкам. “Его основная заслуга в том, – писал

Ж. Вандриес, – что он поддерживал все исследования, которые открывали новые пути в науке” [1, р. 16]. Заслуга Бреалья и в том, что он создал в ПЛО атмосферу творческого поиска, свободы выражения научных идей независимо от принадлежности к определенной научной школе или направлению, уважения к чужому мнению. Демократические научные традиции, заложенные Бреалем и сохранившиеся стараниями сменившего его А. Мейе и последующими секретарями, стали отличительной особенностью ПЛО.

В 1864 г. Бреаль слушал в Берлине лекции Ф. Боппа по сравнительной грамматике и А. Вебера по санскриту. Он перевел на французский язык основную трехтомную работу Боппа “Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого” (1866–1877). В предисловии было дано наиболее полное изложение теоретических взглядов Боппа. Позже, в 1930 г., А. Мейе заметил, что не ясно, почему Бреаль решил перевести устаревшую к тому времени работу. По мнению Мейе, следовало бы перевести двухтомный труд А. Шлейхера “Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков”, “оказавший решающее влияние на развитие сравнительной грамматики” [6, р. 445]. Этот факт Мейе объясняет тем, что Шлейхер подготовил почву для учения младограмматиков, которое Бреаль не принимал. Он критиковал младограмматиков за то, что они объясняли фонетические изменения действием физиологических и психологических факторов, вместо того, чтобы принимать во внимание прошлое народа, присущий ему путь развития. В связи с этим Мейе напоминал, что его учитель “уже объяснял факты языка, основываясь на жизни человека в обществе”, а “изменения слов отражают факты цивилизации” [7, р. 223, 224]. Таким образом, социологизм Мейе восходит не к Э. Дюркгейму, как иногда считают, а к М. Бреалю.

К Бреалю также восходит антропоцентризм французской социологической школы. Он писал, что “все в языке идет от человека и адресуется человеку” и что “каждый из нас принимает участие в эволюции языка” [8, р. 309, 2].

М. Бреалья следует считать предтечей нового направления исследований социальной дифференциации языка, определивших проблематику трудов школы А. Мейе. Еще в 1897 г. Бреаль писал: “По мере того как цивилизация достигает разнообразия и богатства, занятия, действия, интересы, составляющие жизнь общества, разделяются между различными группами людей ... роль каждого окрашена по-своему, имеет свой отличный оттенок, который закрепляется и в конце концов становится неотъемлемой ее частью” [8, р. 285].

Заслуга Бреалья – в выделении семиологии как самостоятельного раздела науки о языке, изучающей исторические изменения значений слов. Наряду с Бреалем до, одновременно и после него, этой проблемой занимались В. Гумбольдт, Г. Пауль, Х. Шпербер, Г. Стерн, С. Ульман, а в нашей стране – А.А. Потебня, М.М. Покровский, Р.А. Будагов. Были определены основные свойства лексического значения слова и установлены общие закономерности развития значений слов. Принципы семантических изменений разработаны Бреалем в работе “Очерки семантики” (1897). В ней был введен в научный оборот термин “семантика”, которая в его определении является наукой об изменении значений. Бреаль выступает как противник шлейхерианства, поскольку рассматривает языкознание как историческую науку. В противовес младограмматикам он считал, что в языке действуют интеллектуальные законы. А сам термин “закон” понимался им в философском смысле. Бреаль сформулировал принцип системного характера лексики. Семантика Бреалья носила диахронический характер и относилась к области исторической лексикологии, к тому же она включала фигуры традиционной риторики.

Обращает на себя внимание сдержанное отношение ведущих членов ПЛО к семантическим идеям их секретаря. Так, А. Тома полагал, что Бреаль лишь теоретически очертил контуры новой науки, не предложив способы проверки степени надежности и общности интеллектуальных законов языка посредством достаточно многочисленных и согласующихся между собой лингвистических описаний. Основное возражение Тома сводилось к тому, что семантика Бреалья не принимала во внимание установки и результаты исторической фонетики.

Смещение семантики Бреалья на маргинальные позиции объясняется также наступлением нового периода в деятельности ПЛО под руководством А. Мейе. Считалось, что семантика связана с психологией. Сдержанное отношение к семантике объяснялось также приматом изучения формы. Мейе писал: “Лингвистика должна изучать структуру, а не содержание, она, прежде всего, наука о форме” [9, р. XXXJ]. По словам Д. Саватовски, такой ортодоксальный подход “можно объяснить почти полным невосприятием Мейе оригинальности некоторых новаторских семантических исследований в синхронии и нелексической семантике или отказом принять перспективное использование приемов, разработанных в логической и лингвистической семантике” [10, р. 340].

Тем не менее самый яркий и плодотворный период деятельности ПЛО связан с именем Антуана Мейе (1866–1936), который был принят в члены

ПЛО в 1889 г., а в 1906 г. стал секретарем и оставался на этом посту до своей кончины в 1936 г. По словам Ж. Вандриеса, Мейе “был душой” ПЛО и «придал ему неповторимый блеск. Все французские лингвисты являются либо его учениками, либо многим обязаны ему; и его влияние распространяется даже на тех, которые с ним не были знакомы. ПЛО под руководством Мейе стало своего рода “кузницей” лингвистических кадров во Франции. За границей он был известен как гениальный ученый, специалист в разных областях лингвистики; за его работами следили; его мнения выслушивались с самым большим вниманием» [1, р. 16]. А вот что писал о Мейе Э. Бенвенист: “В течение 30 лет с 1906 по 1936 гг. деятельность Общества настолько тесно была связана с именем Мейе, что между ними можно провести знак равенства” [11, р. 30]. Благодаря Мейе ПЛО заняло лидирующее положение в лингвистических исследованиях во Франции. Поэтому деятельность ПЛО в период руководства Мейе в значительной мере отражает развитие лингвистики во Франции первой трети XX века и позже, поскольку его научный авторитет и заданное им направление исследований сохранялись еще многие годы и после смерти ученого.

О себе самом Мейе писал, что он в большей мере историк, чем теоретик, и больше ценит исследования по диахронии, чем по синхронии. Не случайно Мейе прославлял своего учителя Ф. де Соссюра главным образом как компаративиста. По справедливому замечанию Ж. Вандриеса, “Мейе был прежде всего компаративистом, и он оставался им всю жизнь. Все его научное творчество подтверждает это” [12, р. 213]. Мейе не принимал соссюрговскую дихотомию синхронии и диахронии, упрекая Соссюра в том, что предложенная им теория языкового изменения является “абстракцией, которая не обладает объяснительной силой”. Это произошло потому, что Соссюр отделил языковое изменение от социальных и исторических факторов, являющихся, по мнению Мейе, определяющими. Здесь проявляется социологизм Мейе-компаративиста.

Существенно различное понимание природы и места социологизма в концепциях Соссюра и Мейе. Для Соссюра социальность – фактор внутреннего порядка, он необходим для обоснования произвольного характера лингвистического знака и не имеет выхода во внешнюю лингвистику. Соответственно, Соссюр не разрабатывал проблемы языка и общества. Для Мейе социологизм носил программный характер и служил фундаментом разработки общей лингвистики. Задачей этой дисциплины он считал установление самых общих тенденций, имеющих, по преимуществу, исторический характер. Речь идет прежде всего о поиске и систематизации причин языковых изменений. Можно согласиться с С. Ору, что главная

заслуга Мейе не разработка общей лингвистики, а создание новой дисциплины – социолингвистики [13, р. 52].

Представляется, что наиболее емкую характеристику научных заслуг А. Мейе дал Л.В. Щерба. “В области общего языкознания сделано до сих пор еще крайне мало. С постановкой самого вопроса об общем языкознании мы давно согласны и опять-таки с благодарностью возьмем весь тот материал, который Meillet сознательно копил в течение всей своей жизни и из которого будет строиться здание общего языкознания” [14, с. 104].

В конце жизни Мейе обсуждал со своими учениками и коллегами проект трактата по общей лингвистике, в котором он намеревался дать краткое теоретическое обобщение своего богатого исследовательского опыта. Эта книга, по словам Э. Бенвениста, “могла бы стать суммой, которая включила бы основное содержание его научной деятельности за 50 лет, но и не только его, поскольку этот оригинальный мыслитель внимательно следил за публикациями по науке о языке во Франции и за рубежом” [11, р. 227].

Научная слава Мейе простиралась за пределами Франции. На Первом Международном конгрессе лингвистов в 1928 г. в Гааге он оказался в центре всеобщего внимания, был избран президентом постоянно действующего международного Комитета лингвистов. В статье, посвященной международным конгрессам лингвистов, Ж.-К. Шевалье писал, что Мейе вернулся воодушевленный оказанными почестями, но в то же время он не оценил значимости тезисов, представленных Пражским лингвистическим кружком, и активной научной деятельности американских лингвистов, создавших по образцу ПЛО “Американское лингвистическое общество” [15].

Неприятие Мейе нарождавшегося структурализма было закономерным. Оно обусловлено неприятием дихотомий Соссюра, послуживших методологической основой для новой научной парадигмы: дихотомий языка и речи, синхронии и диахронии, внутренней и внешней лингвистики и особенно реляционных свойств языковых единиц – их значимости в системе. Исключение составляет понятие системы. Но и оно было воспринято не у Соссюра, а в формулировке второй половины XVIII в. У Мейе система – это “строго упорядоченное целое, все элементы которого тесно взаимосвязаны”.

В течение полувека А. Мейе стоял во главе французской лингвистики, создал целое научное направление, которое нередко называют “французской социологической лингвистикой” или “школой Мейе”. Авторитет Мейе был столь значительным, что его социолингвистическая школа на долгое время заслонила влияние структурной

парадигмы, восходящей к Соссюру. Новаторские идеи Соссюра начали проникать во Францию лишь в 50-е годы, причем не непосредственно, а главным образом через работы ведущих школ структурализма – Пражской и Копенгагенской, положив начало эпохе французского структурализма не только в лингвистике, но и в других областях гуманитарного знания.

На посту секретаря ПЛО А. Мейе сменил в 1933 г. его ближайший ученик Жозеф Вандриес (1875–1960). Он оставался во главе Общества до 1948 г. Этот период истории ПЛО можно квалифицировать как непростой переходный – от традиционной компаративистики к структурно ориентированным исследованиям. Вандриес стремился развивать наследие Мейе и демократические научные традиции ПЛО. В то же время он ощущал новые веяния в лингвистике и опубликовал в 1945 г. важную в методологическом отношении статью “О сопоставлении в лингвистике” [16], настаивая на необходимости ввести наряду с генетическим сопоставлением типологическое. Тем самым было намечено изменение в методе (дополнение компаративизма структурализмом) и в предмете исследования (переход от изучения древних индоевропейских языков к живым).

Наибольшую известность Вандриесу принесла книга “Язык. Лингвистическое введение в историю” (1921), русский перевод – 1937 г. [17]. По-французски книга называется “Le langage”. В отличие от Соссюра и Мейе, употреблявших этот термин спорадически, Вандриес пользуется им очень часто, вкладывая в него собственный смысл: “Между языком (le langage) и языками (les langues) можно установить такое различие: язык – это совокупность физиологических и психических приемов, используемых человеком при говорении; языки же – это практическое применение этих приемов” [17, с. 217]. Таким образом, langage означает langue и parole Соссюра вместе взятые. В силу широкого охвата Вандриес употребляет термин “langage” и по отношению к другим системам знаков.

Вандриес дал близкое соссюрсовскому определение знака. “Самое общее определение, которое можно дать языку, – это назвать его *системой знаков*... Под знаком ... надо понимать всякий символ, способный служить для взаимного общения людей” [17, с. 21].

В статье 1921 г. “Социальный характер языка и доктрина Ф. де Соссюра” в качестве центрального положения теории Соссюра Вандриес называет не разграничение языка и речи, как это сформулировано в “Курсе”, а характер связи между двумя сторонами знака, предвосхитив тем самым позднейшее выделение представителями Женевской школы двух аспектов теории Соссюра – лингвистического и семиологического. “Языко-

вой акт, – писал Вандриес, – состоит в сочетании психического концепта и акустического образа, а объектом языкознания является изучение связующего их отношения” [18, р. 619]. Далее он выводит из произвольного характера знака дихотомию синхронии и диахронии: “Принципы синхронного языкознания вытекают из значения знака...” [18, р. 622]. Исследователь рукописных источников “Курса” Р. Годель высказал мнение, что за исходный пункт теории Соссюра может быть принята не дихотомия языка и речи, как это закрепилось в теоретических и дидактических работах, а семиологическое понятие знака, его произвольный характер, из которого логическим путем выводятся дихотомии языка и речи, синхронии и диахронии [19]. Указанная статья Вандриеса, предвосхищающая выделение семиологического аспекта теории Соссюра как центрального, должна занять достойное место в истории лингвистики.

Заслуга Ж. Вандриеса также в том, что он наметил функциональный подход к изучению языка, который в дальнейшем получил развитие в работах А. Доза и особенно А. Мартине. Этот подход с иной стороны подводил французское языкознание к структурализму, что наиболее отчетливо проявилось в концепции А. Мартине.

Но в целом в довоенный период во французском языкознании доминировал позитивизм, наблюдалось некоторое снижение интереса к вопросам общего языкознания. Преобладали работы, посвященные отдельным вопросам фонетики, морфологии, синтаксиса, семантики, этимологии, стилистики. Вандриес сыграл значительную роль в восстановлении лингвистических исследований во Франции, прерванных войной.

Неприятие структурализма проявилось в полемике члена ПЛО старшего поколения М. Граммона с А. Мартине на страницах журнала “Le français moderne” в 1938–1939 гг. Он выступал против структуралистских положений теории Мартине. Критике подвергались крайние направления структурализма. М. Коэн, признавая целесообразность нового подхода к исследованиям языка, возражал против механицизма работ Н. Трубецкого, Л. Ельмслева, Л. Блумфилда и их последователей, подчеркивая, что принцип формального описания целесообразно использовать как вспомогательное средство для изучения языковых структур. Коэн принял участие в дискуссии по вопросам структурализма, состоявшейся на страницах журнала “Вопросы языкознания” в 1958 г.

Настоящий поворот ПЛО к структурализму (хотя и без его крайностей) произошел к 1948 г., когда секретарем стал Эмиль Бенвенист (1902–1976). Поэтому этот этап деятельности ПЛО до 1969 г. и можно назвать периодом переориента-

ции. «То, каким образом ПЛО в период 1950–1970 гг. открывалась структурализму, – пишет Г. Бергунью, – несет на себе отпечаток обращения к нему самого Э. Бенвениста, который, сохраняя верность сравнительно-историческим исследованиям, берется за решение “проблем общей лингвистики”» [5, р. 379].

Хотя Бенвенист, первым из школы А. Мейе, обратился к структурным методам анализа и разработал теорию языковых уровней, он весьма жестко критиковал крайние направления структурализма за отделение формы от содержания. Критикуя глоссематику и дескриптивизм, он любил сравнивать единство формы и содержания с головой медузы. “Соотношение формы и значения многие лингвисты хотели бы свести только к понятию формы, но им не удавалось избавиться от ее корреляции – значения. Что только не делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасные попытки; оно, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает” [20, с. 136]. Критиковал он структурализм и за узость исследований, ограниченных рамками внутренней лингвистики. Так, оценивая методы анализа дескриптивной лингвистики, он писал: “Сегментация высказывания на дискретные элементы ведет к анализу языка не более, чем сегментация вселенной ведет к созданию теории физического мира” [20, с. 41].

Этим объясняется различие точек зрения Э. Бенвениста и А. Мартине по вопросу о сущности структурализма. Мартине, один из первых французских лингвистов, заявил о своей приверженности структурализму еще в довоенных публикациях. На формирование его лингвистических взглядов оказало определенное влияние направление лингвистических исследований в США (он являлся одним из основателей, наряду с Р. Якобсоном, журнала *Word*, печатного органа Нью-Йоркского лингвистического кружка, ориентированного в большей мере на европейский структурализм, а впоследствии и его редактором), направление, которое Бенвенист разделял не полностью. В то же время положительным результатом этого противостояния была большая открытость ПЛО структурализму, который становится ведущим направлением не только в лингвистике, но и в других гуманитарных науках.

В отличие от своих предшественников Э. Бенвенист не только опирался на положения “Курса общей лингвистики” Ф. де Соссюра, но и стремился их развить. По оценке Э. Бенвениста, “новизна соссюровской точки зрения, одной из тех, которая оказала глубочайшее влияние на лингвистику, заключалась в осознании того, что язык ... есть синхрония и структура...” [20, с. 35].

Воздавая должное Соссюру, заложившему основу семиологии, Бенвенист пришел к выводу, что “хотя знак действительно соответствует означающим единицам языка, принцип знака нельзя считать единственным принципом языка в его функционировании для познания” [21, с. 89]. Он предложил выделить в языке две области со своим собственным аппаратом понятий. Основу исследования первой области, которую он называл семиотической, должна составить соссюровская теория языкового знака. Вторая область связана с переходом от знака к речи. Для ее исследования необходим новый аппарат понятий и определений. Бенвенист наметил также разработку метасемантики. Язык как семиотическая система связан с другими семиотическими системами отношениями “семиотического включения”.

Ю.С. Степанов отмечает, что Бенвенист, так же как и Декарт³, стремился к всестороннему, всеохватывающему исследованию изучаемого объекта, явления, “описывая его путем эволюционных и генетических определений” [21, с. 306].

С 1970 г. начинается современный период в деятельности ПЛО. В этом году секретарем общества становится видный специалист по дороманским языкам – венетскому, галльскому и микенскому – Мишель Лежён (1907–2000). Для Э. Бенвениста вводится титул почетного секретаря.

М. Лежена в 2000 г. сменил Ален Лемарешаль – специалист по синтаксису и семантике. В печатном органе ПЛО *Bulletin* традиционно отводится значительное место диахроническим исследованиям не только индоевропейских языков, но и языков других семей, а также социологическим аспектам языка. В то же время на его страницах находит отражение практически вся проблематика современной лингвистической науки: вопросы общей лингвистики, синтаксис и семантика, лексикография, активно разрабатываемая во французской лингвистике теория высказывания. В соответствии с традициями французского языкознания существенное внимание уделяется значимой стороне языка: структурная семантика, семантический синтаксис, семиология, когнитивный аспект языка.

За более чем 100-летний период своей деятельности ПЛО внесло и продолжает вносить значительный вклад в развитие лингвистических исследований как в диахронии, так и в синхронии, на материале языков разных семей с использованием различных методов и приемов. Оно продолжает оставаться авторитетным научным объединением многих ведущих языковедов мира, успешно продолжающей научные традиции, заложенные ее знаменитыми секретарями.

³ Мейе неоднократно подчеркивал, что западная научная мысль многим обязана Декарту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vendryes J. La société de Linguistique de Paris (1865–1955) // *Orbis*. Louvain, 1955. T. IV. № 1. P. 7–21.
2. Mélanges de linguistique offerts à M. Ferdinand de Saussure. P., 1908.
3. Meillet A., Bally Ch. Allocutions prononcées le 14 juillet 1908 à l'occasion de la remise à Ferdinand de Saussure des *Mélanges de Linguistique* (publ. par R. Amacker) // *Cahiers F. de Saussure*. Genève, 2006. № 59. P. 179–185.
4. Bréal M. Mélanges de Mythologie et de Linguistique. P., 1878.
5. Bergounioux G. La société de linguistique de Paris dans son histoire (1863–1970) // *BSLP*. 2005. T. C. Fasc. I. P. 359–390.
6. *BSLP*. 1930. T. XXXI. Fasc. 1.
7. Meillet A. F. de Saussure // *Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale*. T. 2. P., 1936. P. 174–183.
8. Bréal M. Essai de sémantique. Science des significations. P., 1897.
9. Séance du 17 juin 1933 // *BSLP*. 1933. T. XXXIV. Fasc. 2. P. XXVIII–XXXJ.
10. Savatovsky D. Sémantique et philosophie du langage dans le BSL // *BSLP*. 2005. T. C. Fasc. 1. P. 315–353.
11. Benveniste E. Allocution [Commémoration du centenaire de la SLP] // *BSLP*. 1971. T. LXVI. Fasc. 1. P. 19–34.
12. Vendryes J. Antoine Meillet (1866–1936) // *Portraits of linguists*, ed. by Th. A. Sebeok. Vol. 2. Bloomington; London, 1966. P. 201–240.
13. Auroux S. Histoire de la linguistique. P., 1980.
14. Щерба Л. В. Памяти А. Мейе // *ВЯ*. 1966. № 3. С. 97–104.
15. Chevalier J.-Cl. Les congrès internationaux et la linguistique // Auroux S., éd. Histoire des idées linguistiques 3. Liège-Paris, 1990. P. 517–528.
16. Vendryes J. La comparaison en linguistique // *BSLP*. 1945. T. XLII. F. 1. P. 1–18.
17. Вандриес Ж. Язык. Пер. с фр. М., 1937.
18. Vendryes J. Les caractères sociaux du langage et la doctrine de F. de Saussure // *JPNP*. P., 1921. T. XVIII.
19. Godel R. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. Genève; Paris, 1957.
20. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Перев. с франц. М., 1974.
21. Степанов Ю. С. Бенвенист // *Большая российская энциклопедия*. Т. 3. М., 2005. С. 306–307.